

ЖУРНАЛ
НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ

№ 11

Проблемы
экономической теории

Исследование
российской экономики

Вопросы
экономической политики

Горячая тема

Научная жизнь

2011

Москва

В.В. Попов

Высшая школа международного бизнеса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва

Надо ли защищать права на интеллектуальную собственность

Строгая охрана прав на интеллектуальную собственность может негативно влиять на экономическое развитие. Регрессии экономического роста дают стандартные результаты (положительный эффект строгой защиты прав интеллектуальной собственности на рост) только в том случае, если в число независимых переменных не включать показатели институционального потенциала (эффективность государственного управления, контроля над коррупцией). Если же их включить, они «убивают» положительное влияние защиты прав интеллектуальной собственности (сильно коррелируя с индексами защиты прав интеллектуальной собственности), так что отделить эффект от строгой защиты прав интеллектуальной собственности от воздействия общего качества институтов сложно.

Аналогичная процедура была использована для оценки влияния режима защиты прав интеллектуальной собственности на долю расходов на НИОКР в ВВП – результаты были во многом прежними: без контроля на институциональный потенциал защита прав интеллектуальной собственности стимулирует НИОКР, но после учета институциональных индексов этот эффект исчезает.

Отмечается также сильное негативное влияние строгого режима защиты прав интеллектуальной собственности на распространение наиболее важных технологий последних десятилетий, в частности персональных компьютеров (ПК). Увеличение общего количества ПК в 1995–2005 гг., после учета уровня развития, размеров страны и институциональных индексов, отрицательно коррелирует с индексом защиты прав интеллектуальной собственности.

Если пиратство интеллектуальных продуктов позволяет преодолеть негативное воздействие защиты прав интеллектуальной собственности на распространение новых технологий, целесообразно говорить не об ущербе, наносимом пиратством, но о выгодах пиратства и об издержках строгой защиты прав на интеллектуальную собственность.

Ключевые слова: права на интеллектуальную собственность, пиратство, экономический рост, институты.

Классификация JEL: O34.

И тот, кому досталась от меня моя идея, воспринимает ее сам, не умаляя при этом меня; не тень, но отблеск света отбрасывает он на меня. Идеи должны беспрепятственно передаваться от одного к другому по всему земному шару для морального и взаимного наставления человека и улучшения его состояния. Кажется, было нарочито благосклонно задумано природой, когда она сделала их распространяющимися, подобно огню, по всему пространству без уменьшения их плотности в любой точке, и подобно воздуху, в котором мы дышим, двигаемся и имеем свое физическое существование, и который не может быть ограничен или составлять исключительную собственность. Таким образом, изобретения по самой своей природе не могут быть предметом собственности.

Томас Джефферсон, третий Президент США, до этого возглавлявший первое патентное ведомство (как государственный секретарь при Джордже Вашингтоне в 1790–1793 гг.) (Jefferson, 1854).

Помните «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена? Хэнк Морган, рабочий оружейного завода, попав из американского Хартфорда (шт. Коннектикут) конца XIX в. в средневековую Англию, начинает строить цивилизацию с создания патентного бюро. «Первое мое государственное мероприятие, проведенное мною в первый день моего вступления в должность, заключалось в том, что я основал бюро патентов, ибо я знал, что страна без бюро патентов и без твердых законов, защищающих права изобретателей, подобна раку, который может двигаться только вбок или назад» (Twain, 1889, chapter 9). Сегодня общепринятое мнение примерно такое же: строгость защиты прав интеллектуальной собственности часто воспринимается как мера цивилизованного поведения, хотя теоретические основы защиты прав интеллектуальной собственности в том виде, в котором эта защита практикуется сегодня, в лучшем случае неясны.

Аргументом в пользу патентов является то, что предоставление монопольных прав изобретателю, пусть только на определенный период времени, стимулирует изобретения. Аргумент против выдачи патентов состоит в том, что эти монопольные права препятствуют инновациям – внедрению и распространению изобретений.

Сегодня правила TRIP (**T**rade **r**elated **i**ntellectual **p**roperty – **тор**говые аспекты интеллектуальной собственности), принятые ВТО, требуют защиты патентов на срок не менее 20 лет и защиты авторских прав (копирайтов) в течение не менее 50 лет.

Обзор литературы

Вопреки распространенному убеждению экономисты отнюдь не единодушны в стремлении крепить защиту прав собственности на интеллектуальные продукты. Строгая защита прав интеллектуальной собственности (ИС) является палкой о двух концах: она стимулирует инновации (содействует развитию культуры), вознаграждая изобретателя (творца) ценой создания препятствий для распространения изобретений (произведения искусства). Среди экономистов-теоретиков как раз есть понимание того, что нынешняя система охраны прав на ИС несовершенна, что ужесточение патентных законов ведет к увеличению вложений фирм в НИОКР, но вместе с тем предоставляя монополию на продукты интеллектуального труда, она препятствует распространению нововведений; что стимулы к созданию новых интеллектуальных продуктов полностью не исчезнут, даже если совсем отменить монопольные права на новую ИС и разрешить ее неограниченное тиражирование всем желающим. Ведь тиражирование происходит не мгновенно, так что первооткрыватель всегда будет иметь преимущества. Кроме того, предоставление монопольных прав на интеллектуальный продукт – далеко не единственный способ вознаграждения производителя. Ему может платить, например, государство из бюджета или из специального фонда распространения нововведений (развития культуры).

Предоставление монополии, пусть и временной, ничего общего с рынком не имеет. Собственно говоря, предоставление и охрана такой монополии есть признание несостоятельности рынка в данной области (market failure) и попытка исправить такую несостоятельность через госрегулирование. Идея в общем неплохая, но вот воплощение, похоже, хромает. Закрепление монопольных прав на интеллектуальный продукт – довольно примитивная и грубая форма государственного вмешательства, имеющая массу негативных последствий, как и всякая монополия.

Многие западные авторы ставят под сомнение целесообразность строгой защиты прав на интеллектуальную собственность (Chang, 2001; Boldrin, Levine, 2002). Как утверждается в работе, посвященной изменению патентного законодательства в Японии в 1998 г., «более строгая защита прав интеллектуальной собственности привела к социально расточительному накоплению закрытых портфелей патентов, доступ к которым ограничен» (Sakakibara, Bransletter, 2001, p. 99). В работе (Grossman, Lai, 2002) доказывается, что западным странам (мировому «Северу»), имеющим более высокий потенциал НИОКР и более емкие рынки для новых продуктов и технологий, выгодны более длительные сроки патентной защиты, чем развивающимся странам (Югу). Унификация патентной политики в глобальном масштабе не является ни необходимым, ни достаточным условием повышения мирового благосостояния.

Может быть, самые убедительные и полные аргументы против прав интеллектуальной собственности приводятся в недавно вышедшей книге *«Против интеллектуальной монополии»* Мишеля Болдрина и Дэвида Левина – двух американских экономистов с респектабельным академическим рейтингом (первые 5% экономистов мира). Полный текст книги, в соответствии с убеждениями авторов, был размещен в Интернете до публикации Cambridge University Press в июле 2008 г. (Boldrin, Levine, 2008). Они приходят к выводу, что в большинстве случаев защита интеллектуальной собственности приносит больше экономического вреда, чем пользы, и должна быть устранена.

Во-первых, обычное оправдание для защиты прав интеллектуальной собственности – необходимость стимулировать создание интеллектуального продукта – не подкреплено доказательствами.

Аналогии с пиратством и «кражей продукта» не подходят, потому что владелец / создатель интеллектуального продукта, в отличие от владельца физического продукта, не теряет его после пиратства. Было показано (Boldrin, Levine, 2008), что защита прав интеллектуальной собственности не стимулирует создания высоко интеллектуальных продуктов, и что эти продукты были бы созданы в любом случае без всякой защиты прав интеллектуальной собственности, поскольку создатель всегда имеет преимущество первой продажи и продукт не может быть скопирован мгновенно.

В (Boldrin, Levine, 2008, chapter 8) авторы исследуют интенсивность создания произведений классической музыки до и после внедрения европейских законов об авторском праве (примерно в конце XVIII в., сначала в Англии, а затем в странах континентальной Европы). Авторы считают, что «число композиторов на миллион жителей снизилось везде, но значительно быстрее – в Великобритании после введения авторского права, чем в Германии или Австрии, и примерно с той же скоростью, как и в Италии. Так что нет никаких доказательств того, что авторское право способствовало творческому музыкальному подъему. Если и был механизм, создавший стимулы для композиторов, защита авторских прав не была его важной составной частью».

На модельном уровне, если допустить, что производительность растет с ростом объема производства, предоставление изобретателю монопольных прав, которое, как и всякая монополия, сокращает выпуск, может вести к снижению производительности (Furukawa, 2007). Более того, концентрация НИОКР в секторах, монополизирующих результаты НТП, создает риск нерационального дублирования научных разработок (Hori, Iwaisako, 2007).

Попробуйте ответить на простой вопрос, где грань между результатами фундаментальных исследований (рассматриваются как общественное благо, которое должно создаваться за счет общества и быть свободно доступным для всех) и результатами прикладных исследований (которые становятся собственностью изобретателя на период действия патента).

Например, ТСР-протоколы, на которых основан Интернет. Большинство наблюдателей согласны с тем, что решение не патентовать эти протоколы способствовало быстрому распространению Интернета, что если бы ТСР-протоколы были бы запатентованы, распространение Интернета происходило бы гораздо медленнее. М. Сакакибара и Л. Бранстеттер изучили японское патентное законодательство 1998 г. и не нашли никаких доказательств его положительного воздействия. Этот и ряд других результатов, по их словам, «повышают вероятность того, что укрепление прав интеллектуальной собственности ведет к социально расточительному накоплению портфелей патентов для защиты от конкурентов» (Sasakibara, Branstetter, 2001, p. 99).

Почему расшифровка генетического кода, ведущаяся на государственные деньги, становится бесплатным достоянием всего человечества, а результаты такой же расшифровки, проведенной частной компанией, могли бы продаваться за деньги? И почему копирайты следует предоставлять на именно 50–75–100 (ненужное зачеркнуть) лет? В США, кстати, только 43% средств на НИОКР в самой наукоемкой – фармацевтической – промышленности поступают от самих фирм, тогда как 29% – от государственного Национального института здоровья, а остальное – от благотворительных фондов и университетов.

Даже если естественные преимущества создателя изобретений или произведений искусства считать недостаточными, чтобы обеспечить соответствующие стимулы для технического прогресса и развития культуры, можно представить себе альтернативный режим, стимулирующий творческие усилия, но не препятствующий распространению изобретений. Все изобретения регистрируются государством, но становятся общественным достоянием не через 20 лет, как это происходит сегодня, а сразу же. Изобретатель вознаграждается государством, вознаграждение пропорционально объему производства продуктов, созданных в первые 20 лет с использованием запатентованной технологии. Вознаграждение выплачивается из государственного бюджета или из внебюджетного фонда науки и искусства. Каждый гражданин и каждая фирма могут использовать технологию бесплатно, в то время как нерезиденты, возможно, должны платить за патент государству (которое является собственником патента / авторских прав). Изобретатель в этом случае вознаграждается, но не за счет замедления распространения инноваций.

Короче говоря, нынешняя система защиты интеллектуальной собственности является очень примитивной и неэффективной, даже с точки зрения самих развитых стран. Есть, однако, политико-экономические факторы, объясняющие, почему эта неоптимальная система все еще существует (небольшие организованные группы, влиятельные лобби более успешны в продвижении своих интересов в правительстве, чем большие неорганизованные группы, как и общество в целом).

Во-вторых, даже если есть необходимость защищать права интеллектуальной собственности, нет никаких причин заставлять развивающиеся страны защитить эти права так же строго, как это делают развитые страны. В международном технологическом и интеллектуальном обмене развивающиеся страны получают много больше, чем отдают, т.е. они являются чистыми импортерами технологии. Вроде бы общепризнано, что ускоренное развитие этих стран соответствует не только их собственным интересам, но и интересам всего мира, да и западным интересам (в частности, борьбы с терроризмом). Признано также и то, что более эффективно помогать через передачу технологии и знаний, чем через субсидирование потребления (Polterovich, Porov, 2004; 2006).

Однако Запад активно добивается, чтобы развивающиеся страны платили сполна за приобретаемые интеллектуальные продукты – вплоть до принятия санкций против тех, кто плохо защищает права на копирайты, патенты и торговые знаки. Отступают от этого принципа только в исключительных случаях, как с лекарствами от СПИДа, когда связь между приверженностью принципу и потерей человеческих жизней слишком очевидна. Некоторые исследователи считают, что есть основания обвинить Запад в политике «залезть

наверх и убрать лестницу»: ведь сами-то западные страны пользовались более либеральным режимом распространения изобретений, когда превращались из развивающихся в развитые, а теперь требуют от развивающихся стран жесткой охраны их интеллектуальных продуктов (Chang, 2002). Так, может, при таком режиме и в принципе «залезть наверх» невозможно?

Есть работы, доказывающие, что процесс международных переговоров о торговле и защите интеллектуальной собственности находится под сильным воздействием лоббистов частного сектора и что даже если правительство западной страны одинаково заботится о выгодах для производителей и потребителей своей страны, оно имеет стимулы защищать интеллектуальную собственность более строго, чем того требуют интересы максимизации благосостояния во всем мире. Дело в том, что выгоды, получаемые потребителями в развивающихся странах – импортерах технологии, не увеличивают благосостояния в странах Запада, экспортирующих технологию, и потому не учитываются в балансе выгод и издержек. Для такой западной страны наилучший способ задействовать экстерналию от развития новой технологии – обеспечить ее получение в виде большей прибыли западных фирм-инноваторов, что и достигается более энергичной протекционистской политикой в области защиты прав интеллектуальной собственности, чем было бы необходимо при глобальном подходе (Scotchmer, 2003). Иначе говоря, мировое правительство, если бы таковое существовало, стремящееся к максимизации как выигрыша производителей, так и выигрыша потребителей во всем мире, неизбежно проводило бы менее жесткую политику защиты прав интеллектуальной собственности, чем страны Запада – экспортеры технологий.

TRIP затрудняют развитие бедных стран не только в экономическом, но и социальном плане. Авторские права часто препятствуют распространению информации, знаний и культуры, в то время как патенты на фармацевтические продукты ограничивают возможности борьбы с болезнями и снижения смертности. Только в таких чрезвычайных ситуациях национального масштаба, как эпидемия СПИДа в Южной Африке, лекарства можно приобретать у третьих стран и производить внутри страны, игнорируя патентную защиту.

В-третьих, даже если есть потребность в защите прав интеллектуальной собственности в развивающихся странах, нет никаких причин связывать этот вопрос с либерализацией торговли, как это происходит в настоящее время в рамках ВТО. Главной международной организацией по охране прав интеллектуальной собственности в последние годы стала ВТО. В рамках уругвайского раунда 1986–1994 гг. были достигнуты соглашения о защите прав на «связанную с торговлей интеллектуальную собственность» (TRIP), предусматривающие обязательную защиту патентов в течении 20 лет и копирайтов – в течение 50 лет, в том числе и путем конфискации и уничтожения пиратской

продукции по решению суда. Страны, вступающие в ВТО, как недавно Китай, а в скором времени, видимо, и Россия, должны принять на себя соответствующие обязательства и проявить готовность и способность их выполнять. Между тем есть и Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС – WIPO), созданная еще в XIX в., задолго до ГАТТ – ВТО (СССР стал ее членом в 1970 г.). Почему же именно ВТО играет первую скрипку в охране интеллектуальной собственности?

Ответ известен – у ВТО больше рычагов воздействия на страны-члены. В ВТО вопросы защиты интеллектуальной собственности увязываются с международной торговлей: развитые страны предлагают развивающимся облегченный доступ на свои обширные рынки, но взамен требуют от развивающихся государств более строгой защиты интеллектуальной собственности. Развивающиеся страны, таким образом, могут оказаться между молотом и наковальней: либо доступ к западным рынкам, но с барьерами на пути передачи технологии, либо – легкая передача технологий (пиратство) без какого-либо доступа к западным рынкам. Между тем и передача технологий с Запада, и доступ к западным рынкам играют решающую роль для успеха догоняющего развития. В рамках же ВОИС Западу нечего предложить развивающимся странам в обмен на требования усилить защиту (в основном западных) интеллектуальных продуктов; от такой защиты развивающиеся страны больше теряют, чем получают, поэтому не очень в ней заинтересованы. Собственно говоря, решение сделать TRIP предметом переговоров в ГАТТ стало реакцией Запада на популярные в конце 1970-х – начале 1980-х годов идеи «нового международного экономического порядка», и в частности – ответом на требования «группы 77» реформировать систему охраны интеллектуальной собственности в рамках ВОИС для обеспечения более свободного притока технологий в развивающиеся страны.

Однако с точки зрения существа дела, исходя только из экономической целесообразности, увязывать защиту прав интеллектуальной собственности со свободной торговлей не только нецелесообразно, но и даже вредно. Даже если допустить, что защищать интеллектуальную собственность надо именно так, как предлагает ВТО, сдерживать из-за этого либерализацию международной торговли нерационально. Ведь свободная торговля, как доказывают экономисты, выгодна всем – даже одностороннее открытие рынков повышает благосостояние как стран-импортеров, так и стран-экспортеров¹. Если наказывать страны, плохо защищающие интеллектуальную собственность, отказывая им в доступе на западные рынки, то получается, что развивающиеся страны оказываются в ловушке: либо их заставляют больше платить за трансферт технологий и знаний (укрепляя защиту западной интеллектуальной собственности), либо затрудняют им доступ на западные рынки.

¹ Строго говоря, это верно в отношении устранения преград на пути экспорта развивающихся стран в развитые, а не наоборот (Полтерович, Попов, 2006а, 2006б).

Россия вообще не член ВТО, так что формально не связана обязательствами охранять интеллектуальную собственность (ИС), хотя, конечно, испытывает сильное давление со стороны западных стран и вынуждена считаться с возможными санкциями. Вступление в ВТО возможно только при присоединении к TRIP. Для развивающихся стран был предусмотрен пятилетний переходный период, в течение которого они могли еще не следовать требованиям TRIP. Но Китай, например, вступивший в ВТО в 2001 г., от этого переходного периода вынужден был отказаться. Однако дело даже не только и не столько в конкретных условиях вступления России в ВТО, сколько в необходимости реформирования всей нынешней системы передачи технологии и охраны ИС.

В определенной степени эти проблемы облегчает пиратство, что заставляет говорить не об издержках пиратства, а о выгодах пиратства и издержках строгой защиты прав интеллектуальной собственности.

Общие потери западных компаний от пиратства были оценены ИПА (International Intellectual Property Alliance – Международный союз интеллектуальной собственности) в 16,4 млрд долл. в 2007 г. (в том числе 2,9 млрд долл. – из-за пиратства в Китае; 2,7 млрд долл. – в Россию). Тем не менее потери развивающихся стран из-за приверженности TRIP в несколько раз выше, т.е. пиратство компенсирует только часть того, что развивающиеся страны теряют от TRIP. Всемирный банк подсчитал, что по соглашениям TRIP развивающиеся страны приняли юридические обязательства стоимостью 60 млрд долл. США в год, не получив ничего взамен (Finger, 2002). В отчете Всемирного банка (World Bank, 2002) чистый годовой доход от TRIP для шести ведущих развитых стран оценивается в 40 млрд долл. США (Соединенные Штаты – 19 млрд долл., Германия – 6,8 млрд, Япония – 5,7 млрд, Франция – 3,3 млрд, Великобритания – 3 млрд, Швейцария – 2 млрд долл.). Среди развивающихся стран, несущих основные убытки, – Южная Корея (15,3 млрд долл. ежегодно), Китай (5,1 млрд), Мексика (2,6 млрд), Индия (903 млн) и Бразилия (530 млн долл.), не считая затрат финансовых и человеческих ресурсов для обеспечения соблюдения прав ИС, реформы законодательства, правоохранительных органов и правовой экспертизы, которые должны нести развивающиеся страны.

Расходы на соблюдение правил TRIP для глобального Юга оказываются столь высокими, поскольку развивающиеся страны – в основном импортеры интеллектуальной собственности. Из 120 000 патентных заявок в 2004 г. (статистика ВОИС) на резидентов США приходилось 35%, Японии – 17%, Германии – 12%, Франции и Великобритании – по 4%, тогда как все развивающиеся страны – только 6,3% (Shashikant, 2005).

Для сравнения: официальная помощь западных стран развивающимся странам в 2001 г. составляла менее 60 млрд долл., и только в последние годы, после терактов 11 сентября, она возросла до 100 млрд долл.

Недавно ВОИС провело исследование экономических последствий систем защиты прав на интеллектуальную собственность в шести азиатских странах – Китае, Индии, Японии, Малайзии, Республики Корея и Вьетнаме (WIPO, 2007), в частности влияние системы защиты ИС на научные исследования и разработки, прямые иностранные инвестиции и передачу технологии. Была найдена положительная корреляция между укреплением системы защиты ИС и последующим экономическим ростом.

Но другие авторы находят, что усиление патентной защиты приводит к уменьшению инноваций и НИОКР (Bessen, Hunt, 2003; Hall, Nam, 1999 – цитируется в (Boldrine, Levine, 2008)). Эконометрический анализ японских и американских патентных данных для 307 японских фирм не находит никаких признаков увеличения расходов на НИОКР или на инновационную активность, которые можно было бы отнести на счет патентной реформы (Sakakibara, Branstetter, 2001).

Все больше авторов приходят к выводу, что строгая защита патентов нужна не всегда, а лишь в определенных случаях. Например, стране на низкой стадии развития не надо защищать права на интеллектуальную собственность, но по мере приближения к технологической границе защита должна укрепляться (Chu, Cozzi, Galli, 2011). Или же компании-лидеры должны защищать свои разработки более рьяно, чем их технологические последователи (Acemoglu, Akcigit, 2006).

Существует теория, согласно которой бедные страны (на ранних стадиях развития) заинтересованы в сильной защите прав интеллектуальной собственности в целях привлечения прямых иностранных инвестиций. По мере того как эти страны богатеют и приближаются к уровню государств со средним уровнем доходов, они ослабляют режим охраны прав интеллектуальной собственности, чтобы стимулировать распространение импортных технологий; когда же они приближаются к технологической границе, они становятся более заинтересованными в собственных инновациях, что снова толкает их к более строгой охране собственности на интеллектуальные продукты (Chen, Puttitanun, 2005). Следовательно, должна наблюдаться U-образная зависимость между уровнем развития и защитой прав интеллектуальной собственности (высокая для бедных стран, низкая для стран со средним уровнем дохода и высокая для развитых стран), и некоторые исследователи действительно такую зависимость находят ((Chen, Puttitanun, 2005) – для панельных данных по 62 развивающимся странам в 1985, 1990, 1995 и 2000 г.).

На самом деле исследования, которые обнаруживают это U-образное соотношение, основаны на GP-индексе (Ginarte and Park index см. в (Ginarte, Park, 2007)), который сильно скоррелирован с индексом защиты прав интеллектуальной собственности из Доклада о глобальной конкурентоспособности ($R = 0,8$ в 2000 г.), хоть

и не совпадает с ним полностью. В литературе отмечается, что «известная U-образная зависимость между индексом защиты прав на ИС и ВВП на душу населения – результат не временных, а пространственных различий: наименее развитые страны в меньшей степени способны и готовы противостоять международному давлению защищать патентные права, а развивающиеся страны со средним уровнем доходов обладают большими возможностями противостоять такому давлению и, следовательно, – слабее защищать патентные права» (Briggs, 2007). Наконец, из U-образного соотношения следует, что бедные страны по мере развития будут снижать защиту прав интеллектуальной собственности, чего в действительности не наблюдается.

Подведем итоги. Во-первых, не очевидно, что защита прав ИС с помощью патентов и копирайтов наиболее эффективный способ стимулирования технического и интеллектуального прогресса. Во-вторых, даже если в принципе необходимо защищать ИС, развивающимся странам от этого больше вреда, чем пользы: настаивать на том, чтобы они защищали западные интеллектуальные продукты, можно только в том случае, если Запад готов оплатить их потери от сокращения трансферта технологии и знаний. И, наконец, в-третьих, даже если первые два аргумента считать недоказанными, нет оснований увязывать защиту прав на ИС с либерализацией торговли, как это делает ВТО.

История защиты прав интеллектуальной собственности

Англия была первой страной, принявшей в 1623 г. патентное законодательство, хотя использование патентов (льготы для создателей произведений искусства и изобретателей машин) можно обнаружить и в XV в. в Венеции, и в XVI в. в Саксонии. Популярна также точка зрения, согласно которой британское патентное законодательство на самом деле не существовало до пересмотра закона в 1852 г. (Chang, 2002).

В США правовая охрана интеллектуальной собственности восходит к дискуссии между Джефферсоном и Мэдисоном по поводу Конституции (Thibadeau, 2004). Джефферсон энергично возражал против английской модели, в которой объекты интеллектуальной собственности защищали как обычные продукты – пожизненная собственность с передачей по наследству (Thibadeau, 2004). Мэдисон, похоже, считал английскую модель вполне адекватной.

Ирония истории состоит в том, что Томас Джефферсон, прежде чем стать третьим Президентом США, возглавлял первое патентное ведомство (как государственный секретарь при Джордже Вашингтоне в 1790–1793 гг.) после принятия Конгрессом 10 апреля 1790 г. первого закона о патентах. Как рабовладелец Т. Джефферсон, видимо, признавал допустимость собственности на людей, но приводил философские и нравственные аргументы против собственности на идеи.

Большая часть западных стран приняли патентное законодательство в первой половине XIX в. (Россия – 1812 г.), но только в 1883 г. был подписан первый международный договор об охране ИС – Парижская конвенция Международного союза по охране промышленной собственности. Его подписали 11 стран (Гватемала, Сан-Сальвадор и Сербия, но не США и Великобритания). Большинство стран присоединились к конвенции в XX в., многие – только во второй половине XX в. (СССР – 1965 г., Аргентина – 1967 г. и т.д.).

История XIX и XX в. – история пиратства самих западных стран. Великобритания (после отмены хлебных пошлин в 1848 г. поощряла свободную торговлю по всему миру, в то же время обвиняя другие страны, особенно Германию, в краже британских изобретений и товарных знаков. Сама Германия, отказываясь признать британские и американские патенты до 1877 г. (когда был принят немецкий Патентный закон), угрожала Швейцарии торговыми санкциями, если она не примет закон о патентах. В конце XIX в. США подталкивали другие страны совершенствовать свои национальные патентные системы, но до 1891 г. они отказывались признавать иностранные авторские права (что было особенно удобно при публикации в США британской литературы), хотя творения американских граждан были защищены авторским правом. Хан (Khan, 2004) утверждает, что США выиграли от пиратства иностранной литературы в 1790–1891 гг.

Голландия и Швейцария – две западные страны, дольше других сопротивлявшиеся принятию патентного законодательства. Швейцария вообще никак не защищала интеллектуальную собственность до 1888 г., введенные тогда правила защиты были очень мягкими (например, отсутствие патентов на химические соединения, в отличие от химических процессов). И только в 1954 г. ее патентное законодательство стало сравнимым с другими западными странами (на химические соединения патенты стали выдавать только в 1978 г.). Химические вещества не патентовали в Германии до 1967 г., в странах Северной Европы – до 1968 г., в Японии – до 1976 г., в Испании – до 1992 г. Лекарства стало возможно патентовать в Германии и Франции только в 1967 г., в Италии – с 1979 г., в Испании и Канаде – только в 1990-е годы (Chang, 2002).

Остановился ли технический прогресс в странах, которые хуже других защищали исключительные права на интеллектуальную собственность? Нет, не похоже. Существуют исследования, свидетельствующие о том, что Швейцария в конце XIX в., до принятия патентного законодательства, переживала пик инновационной активности (Chang, 2001). Существуют опросы американских фирм, которые подтверждают, что большинство из них (хотя и не все) финансировали бы НИОКР и нововведения в том же объеме, что и без получения патентов, поскольку главная защита на их интеллектуальные продукты обеспечивается не формальным патентом, а техническим лидерством, дела-

ющее воспроизведение инноваций конкурентами практически невозможным в течение нескольких лет, а то и десятилетий (Chang, 2001).

Happy birthday to You!

На, возможно, самую популярную в мире мелодию «Happy birthday to You!» в 1893 г. был получен копирайт двумя учителями начальной школы, сестрами Хилл из Луисвилля, штат Кентукки. Копирайт с тех пор перепродавали, последний раз его купила Time Warner AOL, владеющая CNN, в 1988 г. за 25 млн долл. (вместе с другими мелодиями, не имеющими особого коммерческого успеха). По новому американскому закону 1998 г. копирайт будет действовать до 2030 г., поэтому со всех звукозаписей «Happy Birthday to You!» еще два десятка лет Time Warner будет получать отчисления (сейчас они оцениваются в 2 млн долл. ежегодно). Так что каждый раз, когда вы покупаете музыкальную открытку или билет на фильм, в которых звучит известная всем мелодия, часть ваших денег идет на вознаграждение держателей копирайта.

«С днем рождения тебя!» – что и говорить, неплохая песенка, может быть, даже гениальная в своей простоте, если столько людей на разных континентах уже второе столетие с удовольствием ее распевают. Но решится ли кто-нибудь утверждать, что вклад в мировой интеллектуальный прогресс Эйнштейна и Шостаковича менее значителен, чем вклад сестер из Кентукки? (В Америке копирайты на произведения Шостаковича, Прокофьева и других советских авторов были восстановлены только в 1996 г., так как СССР до 1973 г. не подписывал конвенции об авторских правах, но даже если бы США уважали советские копирайты, Шостаковичу за сестрами Хилл по размерам вознаграждения не угнаться.)

Источник: Википедия. См. http://en.wikipedia.org/wiki/Happy_Birthday_to_You.

Общий аргумент защитников прав интеллектуальной собственности состоит в том, что развитые страны находятся на острие технического прогресса, тратят больше средств на НИОКР, чем другие, и удерживают львиную долю всех патентов в мире именно потому, что у них есть строгая защита прав интеллектуальной собственности. Между ВВП (по ППС – паритетам покупательной способности) на душу населения и индексами защиты прав интеллектуальной собственности действительно существует сильная положительная корреляция. (Индексы защиты прав интеллектуальной собственности регулярно публикуются в Отчете о глобальной конкурентоспособности и составляются на основе опроса около 8000 руководителей компаний более чем в 100 странах – к сожалению, эта статистика доступна только для последних лет.)

Но если проконтролировать на более высокое качество институтов в богатых (с высоким ВВП на душу) странах, то положительная корреляция исчезает, т.е. мы не можем уверенно сказать, что является причиной богатства: хорошие институты, которые способствуют техническому прогрессу, или система защиты прав интеллектуальной собственности. Причина в том, что индекс прав интеллектуальной собственности сильно коррелирует с индексом эффективности правительства и другими индексами качества институтов Всемирного банка.

Защита прав на интеллектуальную собственность, экономический рост и компьютеризация – межстрановые сравнения

Может показаться, что защита прав интеллектуальной собственности стимулирует рост: после учета обычных переменных в регрессии роста (размеры страны – общая численность населения, дамми для посткоммунистических стран, начальный уровень ВВП на душу населения в 1975 г., доля инвестиций в ВВП, темпы роста населения) получается, что темпы роста ВВП на душу населения в 1975–1999 гг. зависят положительно и значимо от индекса защиты прав интеллектуальной собственности:

$$GROWTH = 2,7 \times 10^{-9} POP_{(2,0)} - 2,2 TRANS_{(-2,7)} - 0,05 Ycap75us_{(-4,6)} - 0,7 n_{(-3,1)} + \\ + 0,13 INV_{(4,4)} + 1,1 IPRprot05_{(5,3)} - 2,8.$$

Регрессия с робастными стандартными ошибками, T -статистика указана в скобках, число наблюдений равно 76, $R^2 = 0,63$.

Но защита прав интеллектуальной собственности в значительной степени коррелирует с силой институтов, поэтому, если институциональные переменные (такие как индекс эффективности правительства) добавляются в правую сторону, это убивает эффект защиты прав интеллектуальной собственности на рост:

$$GROWTH = 2,5 \times 10^{-9} POP_{(4,1)} + 1,7 GE_{(5,4)} + 0,04 IC_{(1,9)} - 0,05 Ycap75us_{(-5,2)} + \\ + 0,08 INV_{(2,5)} - 0,08 IPRprot05_{(-0,3)} - 1,2.$$

Регрессия с робастными стандартными ошибками, T -статистика указана в скобках, число наблюдений равно 72, $R^2 = 0,7163$.

$$GROWTH = 2,3 GE_{(5,4)} + 1,7 \times 10^{-12} Y75_{(2,2)} - 0,07 Ycap75us_{(-6,3)} - 0,06 IPRprot05_{(0,2)} + 2,7.$$

Регрессия с робастными стандартными ошибками, T -статистика указана в скобках, число наблюдений равно 76, $R^2 = 0,5175$, где: $GROWTH$ – ежегодный средний темп роста ВВП на душу населения в 1975–1999 гг.; n – среднегодовой прирост населения в 1975–1999 гг., %; INV – средняя доля инвестиций в ВВП в 1975–1999 гг., %; $Ycap75us$ – ВВП по ППС

на душу населения в 1975 г. в % от уровня США; $Y75$ – ВВП по ППС в 1975 г. в долл. США; POP – население страны, в среднем за 1980–1999 гг., человек; IC – средний индекс инвестиционного климата в 1984–1990 гг., в диапазоне от 0 до 100, – причем чем выше, тем лучше (*ICRG*, World Bank); GE – индекс эффективности правительства, в диапазоне от –2,5 до +2,5, – чем выше, тем лучше (World Bank); $TRANS$ – фиктивная переменная (равна единице – для посткоммунистических стран, Китая и Вьетнама и нулю – для всех других государств); $IPRprot05$ – индекс защиты прав интеллектуальной собственности, варьирует от 1 до 7, – чем выше, тем лучше (Доклад о глобальной конкурентоспособности – Global Competitiveness Report).

Аналогичным образом эффект защиты прав интеллектуальной собственности на стимулирование НИОКР прослеживается, только если не включать институциональные индексы в качестве объясняющих переменных:

$$R \& D = 6,7 \times 10^{-13} Y75 + 0,5 TRANS + 0,08 Ycap75us + 0,3 IPRprot05 - 0,9.$$

(2,1) (2,3) (1,8) (3,2)

Регрессия с робастными стандартными ошибками, T -статистика указана в скобках, число наблюдений равно 56, $R^2 = 0,6795$, где $R \& D$ – средняя доля $R \& D$ расходов в ВВП в 1980–1999 гг., %.

Если же индекс восприятия коррупции (CPI) ввести в правую сторону уравнения, то коэффициент индекса защиты прав интеллектуальной собственности ($IPRprot05$) теряет значимость:

$$R \& D = 6,2 \times 10^{-13} Y75 + 0,5 TRANS + 0,01 Ycap75us + 0,05 CPI + 0,13 IPRprot05 - 0,5.$$

(2,1) (2,1) (4,3) (0,8) (1,0)

Регрессия с робастными стандартными ошибками, T -статистика указана в скобках, число наблюдений равно 53, $R^2 = 0,7352$.

И с CPI результаты не хуже, чем с $IPRprot05$:

$$R \& D = 6,5 \times 10^{-13} Y75 + 0,8 TRANS + 0,01 Ycap75us + 0,1 CPI - 0,2.$$

(2,4) (2,8) (3,9) (2,9)

Регрессия с робастными стандартными ошибками, T -статистика указана в скобках, число наблюдений равно 35, $R^2 = 0,6738$, где CPI – индекс восприятия коррупции в 1995 г. (в диапазоне от 0 до 10, – чем выше значение, тем ниже уровень коррупции).

Стимулирует ли строгая защита прав интеллектуальной собственности распространение новых технологий? Можно показать, что распространение одной из наиболее важных информационных технологий в последние десятилетия – персональных компьютеров (ПК) – затрудняла, а не облегчала, строгая защита прав интеллектуальной собственности.

Общее число ПК, похоже, не зависит от защиты прав интеллектуальной собственности после учета размера и уровня развития страны:

$$\begin{aligned}
 PCtot05 = & 851PopDens - 0,04POP05 + 2216002R \& D + \\
 & + 0,00002Y05 - 3190852Ycap05log - \\
 & - 5114866TRANS + 850173HC + \\
 & + 243270IPRprot05 + 2,1 \times 10^7.
 \end{aligned}$$

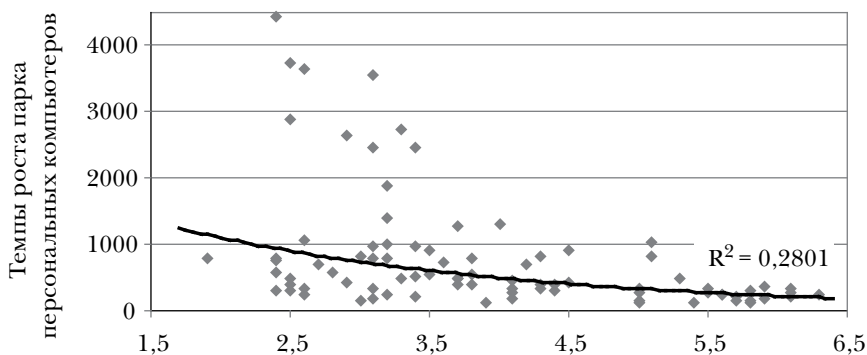
(2,7)
(-7,7)
(2,6)
(16,9)
(-2,8)
(-2,6)
(2,4)
(0,4)

Регрессия с робастными стандартными ошибками, T -статистика указана в скобках, число наблюдений равно 57, $R^2 = 0,9665$, где $PCtot05$ – общее число персональных компьютеров в 2005 г., $PopDens$ – плотность населения, количество человек на 1 кв. км; $logYcap05$ – логарифм ВВП по ППС на душу населения в 2005 г. (долл.); HC – число лет обучения одного человека среди людей старше 25 лет, в среднем за 1975–1999 гг.

Установлено, что скорость компьютеризации в 1995–2005 гг. зависит отрицательно от защиты прав интеллектуальной собственности. Самый быстрый рост числа персональных компьютеров в 1995–2005 гг. испытали страны, не слишком рьяно защищавшие права интеллектуальной собственности. Как видно из рисунка, темпы роста числа персональных компьютеров в 1995–2005 гг. отрицательно зависели от степени строгости охраны прав на интеллектуальную собственность. Причем этот эффект не был связан с тем, что в менее развитых странах парк персональных компьютеров был меньше и темпы его роста с низкой базы были выше. Эффект сохраняется и после контроля на ВВП на душу населения.

$$PCgrowth95_05 = 0,02Ycap05 - 545logYcap05 - 126IPRprot05 + 5981.$$

(1,8)
(-2,7)
(-1,7)

Индекс защиты прав на интеллектуальную собственность (1 – минимальная, 7 – максимальная)

Источник: World Bank; Global Competitiveness Report.

Регрессия с робастными стандартными ошибками, T -статистика указана в скобках, число наблюдений равно 84, $R^2 = 0,3022$.

И после контроля на индекс эффективности правительства в 2002 г. отрицательный эффект защиты прав интеллектуальной собственности на рост числа персональных компьютеров в стране становится еще более осязаемым и более статистически значимым:

$$PCgrowth95_{-05} = 0,02 Ycap05 + 735 GE - 781 Ycap05 log - 539 IPRprot05 + 9351.$$

(2,2) (2,5) (-3,7) (-2,5)

Регрессия с робастными стандартными ошибками, T -статистика указана в скобках, число наблюдений равно 84, $R^2 = 0,3665$.

Еще одной мерой прогресса в области культуры и науки является число названий книг, опубликованных в стране. Результаты регрессии общего числа названий книг и научных книг, изданных в стране за год, не являются однозначными, но, по крайней мере, число названий книг и книг по вопросам науки, кажется, не зависит от режима защиты прав интеллектуальной собственности (Поров, 2011).

Интересно также, что объемы пиратской интеллектуальной продукции не зависят от строгости защиты прав интеллектуальной собственности. Данные о пиратстве программного обеспечения, фильмов, книг, музыки рассчитывает Международный союз интеллектуальной собственности (ИПРА) на основе информации (например, о легальных продажах разным странам программного обеспечения американскими компаниями), которую невозможно проверить (Methodology, 2008; Поров, 2011). Но если допустить, что эти данные верны, то объяснить абсолютные (в миллиардах долл.) и относительные (в % к ВВП) масштабы пиратства по странам совсем непросто. После контроля на уровень развития (подушевой ВВП) и размеры (ВВП, население) страны и число ПК получается, что строгость охраны прав на ИС не влияет на масштабы пиратства (регрессии приведены в Поров, 2011).

Выводы

Таким образом, строгая охрана прав интеллектуальной собственности может негативно влиять на экономическое развитие. Регрессия экономического роста на индексы защиты прав ИС дает обычные результаты (положительный эффект строгой защиты прав интеллектуальной собственности на экономический рост), только если показатели институционального потенциала (эффективность государственного управления, контроля коррупции) не входят в число независимых переменных. Если же их включать, они элиминируют влияние индекса защиты прав интеллектуальной собственности (потому что сильно коррелируют с этими индексами). Так что вряд ли возможно отделить эффекты строгой защиты прав интеллектуальной собственности от воздействия общей силы институ-

тов. Аналогичная процедура была использована для оценки влияния режима защиты прав на интеллектуальную собственность на долю расходов на НИОКР в ВВП. Результаты оказались во многом аналогичными: без контроля на институциональный потенциал защита прав интеллектуальной собственности, кажется, стимулирует научные исследования и разработки, но после учета институциональных индексов этот эффект исчезает.

Прослеживается также сильное негативное влияние строгого режима защиты прав интеллектуальной собственности на распространение наиболее важной технологии последних десятилетий – компьютеров. Увеличение общего числа ПК в 1995–2005 гг. (после учета уровня развития), размеры страны и уровень институциональных индексов отрицательно коррелируют с индексом защиты прав интеллектуальной собственности.

Если пиратство интеллектуальных продуктов позволяет преодолеть негативное воздействие защиты прав интеллектуальной собственности на распространение новых технологий, целесообразно говорить не об ущербе от пиратства, но о пользе пиратства и ущербе от строгой защиты прав интеллектуальной собственности.

Строгость защиты прав интеллектуальной собственности не влияет на объемы и уровни пиратства, если использовать данные ПРА. Эти объемы и уровни определяются прежде всего уровнем развития страны и ее размерами, масштабами и темпами роста парка персональных компьютеров, в то время как индексы защиты прав интеллектуальной собственности не представляют никакой дополнительной объяснительной силы. Таким образом, нет никаких доказательств того, что защита прав интеллектуальной собственности стимулирует НИОКР и способствует экономическому росту. Но есть свидетельства, что эта защита тормозит распространение новых технологий. При строгой защите прав интеллектуальной собственности развивающиеся страны не в состоянии приобрести необходимое число интеллектуальных продуктов на Западе. Глобальный Юг является нетто-импортером интеллектуальных продуктов, поэтому он теряет в росте из-за необходимости платить за патенты и авторские права (в основном Западу).

Развитие стран Юга признается глобальным приоритетом, и если западные страны считают целесообразным оказывать помощь их развитию, то логично и разумно сделать следующий шаг: самый эффективный способ помочь странам Юга – не финансовые трансферты, а облегчение передачи знаний, технологий и культуры. Эта цель может быть, скорее всего, достигнута путем декриминализации так называемого пиратства, отмены ограничений на использование интеллектуальной собственности, по крайней мере, для стран Юга, а еще лучше – путем поощрения и субсидирования передачи интеллектуальных продуктов с Запада на Юг.

Литература

- Полтерович В.М., Попов В.В.** (2006а). Эволюционная теория экономической политики. Часть первая. Опыт быстрого развития // *Вопросы экономики*. № 7.
- Полтерович В.М., Попов В.В.** (2006б). Эволюционная теория экономической политики. Часть вторая. Необходимость своевременного переключения // *Вопросы экономики*. № 8.
- Шмелев, Н.П., Попов В.В.** (1989). На переломе: экономическая перестройка в СССР. М.: Изд-во АПН.
- Acemoglu D., Akcigit U.** (2006). State-Dependent Intellectual Property Rights Policy NBER Working Paper No. 12775, Issued in December 2006.
- Boldrin M., Levine D.** (2002). The Case Against Intellectual Property. Centre for Economic Policy Research, Discussion Paper Series № 3273.
- Boldrin M., Levine D.K.** (2008). Against Intellectual Monopoly. Cambridge University Press (<http://www.dklevine.com/general/intellectual/againstfinal.htm>).
- Briggs, Kristie N.** (2007). Intellectual Property Rights: A Longitudinal vs. Cross Sectional Study University of North Carolina at Chapel Hill. [Электронный ресурс] March 27. Режим доступа: <http://www.unc.edu/depts/econ/workshops/IPR-%20Longitudinal%20and%20Cross%20Sectional.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: май 2011 г.).
- Chang H.-J.** (2001). Intellectual Property Rights and Economic Development – Historical Lessons and Emerging Issues. *Journal of Human Development*. Vol. 2. № 2.
- Chang H.-J.** (2002). Kicking Away the Ladder. Cambridge University Press.
- Chen Y., Puttitanun T.** (2005). Intellectual Property Rights and Innovation in Developing Countries // *J. of Development Econ.* Vol. 78. P. 474–493.
- Chu A.C., Cozzi G., Galli S.** (2011). Innovating Like China: a Theory of Stage-Dependent Intellectual Property Rights. [Электронный ресурс] MPRA Paper № 30553, posted 28. April 2011. Режим доступа: <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/30553/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: май 2011 г.).
- Finger J.M.** (2002). The Doha Agenda and Development: a View from the Uruguay Round. Asian Development Bank, Manila.
- Furukawa Y.** (2007). The Protection of Intellectual Property Rights and Endogenous Growth: Is Stronger Always Better? // *J. of Econ. Dynamics and Control*. Vol. 31. Issue 11. November 2007. P. 3644–3670.
- Ginarte J., Park W.** (1997). Determinants of Patent Rights: A Cross-National Study // *Research Policy*. Vol. 26. P. 283–301.
- Global Competitiveness Report (2005). World Economic Forum, Geneva, Switzerland.
- Goldberg P.K., Maggi G.** (1999). Protection for Sale: An Empirical Investigation // *The American Econ. Rev.* December. P. 1135–1155.
- Grossman G.M., Lai E.L.-C.** (2002). International Protection of Intellectual Property. September 2002. Mimeo.

- Horii R., Iwaisako T.** (2007). Economic Growth with Imperfect Protection of Intellectual Property Rights // *J. of Econ.* Vol. 90. № 1. P. 45–85.
- Jefferson T.** (1854). Writings of Thomas Jefferson. Vol. 6. H.A. Washington. P. 180–181.
- Khan B.Z.** (2004). Does Copyright Piracy Pay? The Effects of U.S. International Copyright Laws on the Market for Books, 1790–1920. NBER Working Paper № W10271.
- Methodology** (2008). Methodology Used to Estimate Trade Losses due to Copyright Piracy and Levels of Piracy. [Электронный ресурс] Appendix B. International Intellectual Property Alliance 2008 Special 301 Report. February 2008. ИПА. Режим доступа: http://www.iipa.com/2008_SPEC301_TOC.htm, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: май 2011 г.)
- Polterovich V., Popov V.** (2004). Appropriate Economic Policies at Different Stages of Development. NES.
- Polterovich V., Popov V.** (2006). Economic Order. Paper presented at the Seventh Annual Global Development Conference in St. Petersburg, Russia. January.
- Popov V.** (2011). Do We Need to Protect Intellectual Property Rights? CEFIR and NES working paper № 161. February.
- Scotchmer S.** (2003). The Political Economy of Intellectual Property Treaties.

National Bureau of Economic Research. Cambridge. MA 02138. Working Paper 9114. August 2002. Revised January 2003.

- Shashikant S.** (2005). Intellectual Property and the Wipo Development Agenda. [Электронный ресурс] Wsis Briefing paper. Instituto del Tercer Mundo (ITeM). Режим доступа: http://wsispapers.choike.org//briefings/eng/sangeeta_wipo_edit.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: май 2011 г.).
- Thibadeau R.** (2004). Thomas Jefferson and Intellectual Property including Copyrights and Patents August 28. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rack1.ul.cs.cmu.edu/jefferson/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: май 2011 г.).
- Twain M.** (1889). A Connecticut Yankee in King Arthur's Court. Electronic Text Center, University of Virginia Library [Электронный текст] Режим доступа: <http://http://etext.virginia.edu/etcbin/toccer-new2?id=TwaYank.sgm&images=images/modeng&data=/texts/english/modeng/parsed&tag=public&part=all>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: май 2011 г.).
- WIPO** (2007). Measuring the Economic Impact of IP Systems.
- World Bank** (2002). Global Economic Prospects and the Developing Countries, Washington.

Поступила в редакцию 12 мая 2011 г.

V.V. Popov

Academy of National Economy and Government Service, Moscow

Do We Need to Protect Intellectual Property Rights?

Strict protection of IPR can have a negative effect on economic development. Regression of economic growth on these indices produces conventional results (positive effect of stricter protection of IPR on growth) only if indices of institutional capacity (government effectiveness, control over corruption) are not included into the right hand side. If they are included, they kill the effect of IPR protection (because they are very much correlated with the IPR protection indices), so it is hardly possible to separate the effects of stricter IPR protection from the impact of the general strength of institutions.

The same procedure was used to evaluate the impact of the IPR protection regime on the average share of R&D expenditure in GDP and the results were largely the same: without control for the institutional capacity, IPR protection seems to stimulate R&D, but after controlling for the institutional indices the effect disappears.

There is also a strong negative effect of stricter regime of protection of IPR on the proliferation of the most crucial technology of recent decades – computers. The increase in the total number of PCs in 1995-2005, after controlling for the level of development, the size of the country and the institutional index, is negatively correlated with the IPR protection index.

Keywords: *Intellectual property rights, piracy, economic growth, institutions.*

JEL Classification: O34.